

СТАНОВЛЕНИЕ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В.Я. ЛЮБАШИЦ,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88;

В.Б. РОМАНЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
докторант кафедры теории и истории государства и права,
Южный федеральный университет,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88

В статье анализируется процесс становления и развития суверенных государств в условиях глобализации. По мнению автора, имеющий место процесс глобализации оказывает существенное влияние на традиционное представление о суверенитете как свойстве государственной власти быть независимой ни от какой власти как внутри государства, так и за его пределами.

Ключевые слова: государство; государственная власть; глобализация; суверенитет; территория государства.

Коды классификатора JEL: K33.

Колониальная экспансия европейских государств в Америке и Тихом океане, последующий распад колониальных империй и возникновение национальных государств — не только значимое историческое событие, но и эволюционная линия развития государств, находившихся в политической зависимости от метрополий. В основе этой эволюционной линии находится неспособность метрополии институционализировать националистический конфликт с колониями. Конфликт обнаруживает историческую ограниченность политики империализма, приводящую к распаду империй и появлению новых государств-членов международного сообщества.

Термин «империализм» вошел в употребление с 1830-х годов для воскрешения в памяти наполеоновских амбиций. На рубеже XIX–XX столетий термин «империализм» стал применяться для описания колониальной экспансии Британии, Франции, Германии, США, Италии и других стран. Сегодня содержание данного термина не исчерпывается формальной экспансией и войнами между колониальными державами. Экономическая зависимость развивающихся стран от западных государств и ТНК (транснациональных корпораций) именуется «неоколониализмом» или «неоимпериализмом». Попытки уточнить термин «империализм» обычно приводят к обозначению процесса создания и сохранения отношений господства между политическими объединениями. Эти отношения часто понимаются чисто политическими: в узком смысле прямого административного правления или, в более широком смысле, формального либо неформального контроля правительственной политики зависимых стран [10, 1264–1265].

Термин «империализм» также применяется в гораздо более узком смысле для поддержки экономической линии аргументов. В.И. Ленин именовал империализм «монополистической стадией капитализма» [6, 387]. Данным определением автор указывал на экономическую причину войн между капиталистическими странами. Империализм отличается войнами между колониальными державами. Однако данные политической компаративистики позволяют утверждать, что колониализм имперских держав мотивирован не только экономическими, но и внеэкономическими причинами [22, 339–367].

Если империализм понимать как создание и сохранение политического господства, возникает сложный вопрос о соотношении понятий империализма и империи.

В классическом смысле империя относится к крупным аграрным бюрократиям, преобладавшим в древнем мире, — от ацтеков до китайских империй, от древних Шумер до Древнего Рима. Экспансионистские национальные государства XIX в. унаследовали многие черты традиционных империй: дуализм военных захватов и стабильного мира, сочетание мультикультурализма с универсалистской идеологией. Некоторые из современных государств имели свое имперское поклонение, например, наполеоновская Франция, кайзеровская Германия. Поклонение сохранили экспансионистские тоталитарные режимы в XX в. Подобно трехконтинентальной Римской империи, республиканская форма правления оказалась пригодной в современный период, например, для экспансионизма Франции и США и их влияния на международной арене. По образцу классических империй современные государства иногда интегрировали периферийные народы и элиты в доминирующую культуру, что приводило к утрате культурной идентичности. Оттоманские янычары — элитные корпуса внутри оттоманской империи — рекрутировались из Балкан в детском возрасте и воспитывались в официальной

исламской культуре. По мнению У. Альтерматта, эта форма интеграции была менее распространена в континентальной Европе, в сравнении с политической ассимиляцией, характерной для национальных государств [1, 145–147].

Второе историческое применение термина «империя» связано со средневековым образом Римской церкви. Империя означала политический порядок, объединяющий христианский мир, то есть Священную Римскую империю [7, 309]. В раннесовременный период слово «империя» также напоминает о реальной политической силе абсолютизма, который теряет свой неотразимый образ с возникновением либеральных национальных государств.

Третий исторический смысл термина «империя» подразумевает колониальные империи. Колониализм означает систему господства посредством аннексии, оккупации территории и управления регионами и населением за пределами глобального центра, метрополии. Д. Остерхаммел предлагает различать колониализм и колонизацию, то есть поселение мигрантов (колонистов) внутри суверенной территории или занятие невостребованной территории. Напротив, колониализм влечет за собой свержение местного суверенитета и формирование отдельного колониального государственного аппарата. Колониями не могут называться ранее завоеванные территории, жители которых имеют идентичные права с остальным населением, например, Лангедок во Франции или Уэльс в Англии. Колонии империи отличаются закреплением неполноценности туземных народов и раздельным правлением относительно метрополии. Когда всеохватывающий бинаризм колониальных империй начинает систематически нарушаться, они распадаются [20, pp. 21–22].

В отличие от термина «империя» понятие империализма возникло в современный период после Французской революции XVIII века, когда в Западной Европе получила распространение идея народного суверенитета. Понятие суверенной власти народа позволяло различать господство внутри политического объединения и между ними. Если принимать этот критерий для определения колониализма до XVIII века, то все территории были бы частью империй и все народы находились бы в политической зависимости. В конце XIX века понятие империализма стало обозначать заморскую колониальную экспансию воюющих между собой европейских национальных государств, часть из которых имела либерально-демократический режим, например, Англия, Франция, Нидерланды, а другая часть — авторитарный режим, например, Германия, Италия, Испания. Государства оправдывали свою экспансию этническим мессианизмом, на что обратил внимание В.С. Соловьев [9, 104–105].

Европейская политическая экспансия была заморской и включала две стадии — колониальную и империалистическую. В XV–XVI вв. морские державы создали сеть колониальных анклавов вдоль побережья Восточной Индии. Через пятьдесят лет после путешествий Колумба конкистадоры занялись грабежом империй инков, ацтеков и отправлением золота и серебра в Испанию. В течение двух последующих столетий Испания, Португалия, Англия, Франция и Нидерланды захватили острова Карибского моря, Центральную, Южную, Северную Америку и северо-атлантическое побережье. Военная экспансия дополнялась широкими потоками работников-мигрантов в колонии, распространением работорговли и пиратства. По образцу метрополий предпринимались попытки культурной ассимиляции аборигенов. Раннесовременные колонизаторы оправдывали заморские захваты язычеством местного населения и своей христианской миссией. Например, обращение американских туземцев в лоно церкви не было бессмысленным занятием для гуманиста и историка Лас Казаса (XVI в.) и для ранних колонистов Канады (XVII в.), верящих в равенство всех людей и превосходство европейской цивилизации.

Колониальный период завершился войнами за национальную независимость американцев между 1776 и 1830 гг. В результате под контролем европейских государств оставались фактории и малоплодородные сахарные плантации.

Второй период экспансии, скорее имперский, нежели колониальный, начался после перерыва, отмеченного британской морской гегемонией. С 1880-х годов в течение трех десятилетий происходила борьба за захват территорий Африки, Юго-Восточной Азии и побережий Тихого океана. Войны велись между Англией, Францией, Германией, Бельгией и Португалией, а также между Испанией и США, которые аннексировали остатки испанской империи. Экспансия не сопровождалась большой метропольной эмиграцией. Колониальные чиновники, торговцы, плантаторы и миссионеры образовали узкий внешний слой внутри местных обществ.

Во многих случаях ведущим мотивом империалистических колониальных войн были рынки, сырье и земля. Заморские колонии различались величиной и характером экономических связей с метрополиями. Лишь несколько колоний стали источником большого богатства экономики метрополий, например, британская Индия и голландская Вест-Индия. Остальные колонии служили дополнительными рынками сбыта товаров и источниками сырья. Многие колонии имели стратегическое значение. Например, Англия стремилась обезопасить коммуникации с Индией посредством колониальных владений на Ближнем Востоке. Экспансия кайзеровской Германии в Южной Африке была вызвана желанием ослабить позиции Англии в этом регионе.

В период строительства колониального государства метрополии решали первоочередную проблему стабилизации отношений с колонизированными народами, которая отодвигала на второй план экономические или геополитические соображения. Проблема решалась так называемой «местной политикой», принципом которой было признание неполноценности туземных народов. В эпоху империализма базовое христианское допущение о равенстве людей перед Богом перестало быть неизменным в картине мира колонизаторов. Дискурсы о правах человека и борьба за отмену рабства вошли в столкновение с доктриной расового превосходства, и ни один свод законов не был способен

возвысить европейский империализм. Идеологическим оправданием имперской политики стало европоцентристское деление народов на «высшие» и «низшие» в культурном отношении [2, 371].

Создание новой колониальной администрации означал разрыв с традиционными институтами. Местные руководящие органы были уничтожены либо реорганизованы и поставлены под контроль колониальных наместников. По-новому были организованы службы финансовые, полицейские, здравоохранения, просвещения и публичных работ. Никакой местной базы для их построения в колониях не было. Сохранились те традиционные институты, которые способны поддерживать порядок в колониях. Например, Англия применяла в британской Индии административную систему «непрямого управления». Ее разработал британский колониальный администратор Ф. Лугард. Он утверждал, что сохранение института местного вождя эффективно экономически и политически, поскольку институт поддерживает традиционную иерархию или, по крайней мере, воспринимается таковым. Непрямое управление предусматривало кооперацию туземного населения. Местный вождь, коллаборационист, мобилизовал население, над которым имел власть, и был способен использовать колониальную власть для усиления своего влияния. Непрямое управление чаще применялось в военной сфере. Командование колониальной армии имело воинское подразделение туземцев. Стратегический пункт системы непрямого управления состоял в том, что деятельность местных вождей, военачальников, князей в номинально независимых «королевских штатах» британской Индии одобрялась, контролировалась, дозволялась колониальным наместником. Колониальное государство было последней инстанцией, в юрисдикции которой находились все местные участники управления [22, pp. 350].

Колониальное государство нетерпимо относилось к несоизмерным некодифицированным различиям колонизаторов и колонизированных людей, поскольку ненормированные отношения не поддаются правительственному контролю. В области уголовного права державы-колонизаторы вводили повсеместные запреты на туземные обычаи. По данным Р. Давида и К. Жоффре-Спинози, к середине XX в. во всей французской Западной Африке и на Мадагаскаре применялся французский уголовный кодекс. Суды французского права получили исключительную компетенцию в сфере уголовного права. В английской Западной Африке были введены уголовные и уголовно-процессуальные кодексы, основанные на английском уголовном праве. Однако вся эта рецепция не была окончательной и тотальной. Местные колониальные законодатели могли вносить изменения в действующие нормы. Равным образом суды могли исключить ту или иную норму, которая представлялась им неподходящей к местным условиям [3, 385–386]. Колониальное право становилось дуалистичным.

Современное имперское правление следовало двум противоречивым установкам: 1) юридическое закрепление подчиненного статуса колонизированного населения и 2) сдерживание местных движений за равноправие, означающее отрицание колониализма. Получили распространение дуалистические правовые кодексы и институциональная дискриминация. Местные судебные споры иницировались туземными авторитетами или же европейской интерпретацией туземного права. Колонизаторы подчинялись отдельному и высшему своду законов. Преступления, совершенные туземцами, рассматривались грубым нарушением европейских нравов или действиями против европейцев. Эти преступления находились в юрисдикции европейской судебной системы. В редких случаях в колониях действовали единые правовые кодексы, например, в английской колонии Мыс Доброй Надежды (Африка), где, однако, свидетельские показания туземцев имели меньший вес, нежели показания колонизаторов [14, pp. 881].

Политизированный и дискриминационный характер колониального права явно обнаруживался в сфере межэтнического сожительства и смешанных браков. В регулировании этих отношений имелись различия между колониальной и империалистической стадиями европейской экспансии. В XVIII в. широкое распространение получили смешанные браки (обычно между европейскими мужчинами и неевропейскими женщинами) в португальских Гоа и Макао, нидерландской Индонезии, во французской Канаде, в османской Трансиордании, английском Мысе Доброй Надежды. В конце XIX века и в течение XX в. колониальные государства и законодатели ужесточили запреты интимных расовых отношений. Современные колониальные государства были способны терпеть отдельные случаи смешанных браков, но не их широкое распространение, подрывающее претензию колонизаторов на социокультурное превосходство [22, pp. 347].

Исследователи предлагают разноаспектные объяснения империалистической европейской экспансии. Либеральный критик бурской войны Д. Гобсон в работе «Империализм» (1902) применил политэкономический подход и рассматривал имперскую экспансию как результат стремления к новым рынкам инвестиций. Источник стремления — погоня за прибавочной стоимостью монополий, трестов. Имперская экспансия обходится дорого обществу и навязывается государству империалистическими кругами [19].

В.И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1917) предложил influential экономический анализ империализма. Ленин соглашается с Гобсоном, что империализм проистекает из стремления вывоза капитала за границу, и с Р. Гильфердингом, что появление финансового капитала является ступенью капиталистического развития. Ленин утверждал, что империализм — необходимое следствие капиталистической динамики. В противоположность представлению К.Каутского, применившего понятие «ультра-империализм», экспансия не координируется на глобальном уровне. Неравномерность развития капиталистических стран делает империалистическую войну «неизбежной» [6, 387].

Более поздние исследования европейского империализма неомарксистами П. Бероном, А. Франком, И. Валлерстайном используют теорию зависимости и предлагают модифицированный экономический анализ [13]. Мировая экономика содержит сети перевода капитала из периферии в центр экономической системы. Существует преемственность между ранней колониальной экспансией и современным империализмом. Эти утверждения неомарксистов противоречат ленинскому тезису, что колониальные захваты вовлекают некапиталистические общества в мировую экономику.

Во второй половине XX в. исследователи обратились к идеологическому объяснению империализма и усматривали его причины в политических амбициях или в политических отношениях. Согласно И. Шумпетеру, характерным мотивом античных империй была военная экспансия как самоценность. Империализм возник вследствие атавизма земельной аристократии современных обществ. Шумпетер обращает внимание на несоответствие между социальной психологией империалистической войны и расчетливостью духа предпринимательства [21]. Б. Коэн и К. Уолтц объясняют европейский империализм международной конкуренцией и конфликтами [17]. В отсутствие транснационального авторитета государства стремятся к расширению своего господства или же к подчинению более агрессивным государствам.

Экономические и политологические подходы к империализму акцентируют логику Запада и игнорируют местные особенности колониальной периферии. С целью устранения дисбаланса исследователи обратились к историографической ревизии концепций. Д. Галлахер и Р. Робинсон отмечают непрерывность неформального империализма британской политики середины XIX в. и роста колониальных захватов после 1880 г. Местные народы оказывали сопротивление европейскому влиянию, что побуждало Англию к замене неформального господства формальной империей [18, pp. 1–15].

Нынешние сравнительные исследования доказывают, что колониализм имперских держав был мотивирован не только экономическими причинами, но дипломатическими и военными соображениями, мечтой о национальной славе, цивилизационной миссией и образами «неразвитости» народов. Например, Д. Штейнметц утверждает, что решение Бисмарка о создании колоний в Африке, вызвавшее «международную драку» в 1880-х годах, не мотивировалась верой в эффективность колоний для немецкого капитала, хотя этим мотивом официальная пропаганда оправдывала территориальные захваты. В этот период горнорудная промышленность Африки развивалась медленно, и алмазы не были обнаружены до 1908 года [19, с. 344]. Империализм мотивируется совокупностью экономических и неэкономических причин, которые ситуативно выходят на первый план, зависят от соотношения сил на мировой арене.

Понятие деколонизации обозначает политическое движение от статуса зависимости или субординации к статусу политической автономии или суверенитета. Для имперского центра или метрополии деколонизация означает физическое отделение от бывшей колониальной периферии и этническое разделение двух обществ. В историческом аспекте деколонизация характеризует распад западных заморских империй и их замену суверенными государствами Америки, Азии и Африки.

Распад европейских колониальных империй имел два исторических этапа. В конце XVIII — начале XIX веков главные колонии в Америке получили независимость. После Второй мировой войны деколонизация проходила быстрее и имела глобальные масштабы. В эти два периода наблюдались различия в процессах деколонизации, субъектах независимости и величине насилия.

Первая волна деколонизации началась с независимости тридцати британских континентальных колоний, образовавших федерацию США. Французская революция XVIII в. вызвала восстание и независимость французской колонии Гаити. После наполеоновских войн стали независимыми португальская Бразилия и испанские колонии в Центральной и Южной Америке.

Если первый период деколонизации ограничивался Америкой, то в XX веке деколонизация имела глобальное распространение. Она охватила политическую независимость государств большей части Индийского полуострова, Юго-Восточной Азии, Австралии, Африки и стран Карибского бассейна. Между двумя мировыми войнами часть стран, находившихся под британским протекторатом, получили независимость. После Второй мировой войны главные азиатские колонии — Индия, Индонезия, Индокитай и Филиппины — достигли независимости. В 1960-х годах произошла деколонизация почти всех африканских стран. В 1980-е годы почти все западные колонии получили независимость или были включены в суверенные государства.

Наблюдаются различия волн деколонизации. Ранняя американская деколонизация происходила в результате креольских революций: потомки европейских поселенцев стремились к политической независимости от государств своей этнической родины. Американская революция и американо-испанские войны за независимость были скорее политическими, нежели социальными революциями. Исключением было восстание на Гаити, где местные лидеры испытывали недоверие к креольскому национализму и долялизму.

Напротив, в XX в. источником деколонизации были скорее местные, нежели креольские движения за независимость. Деколонизация означала свободу от этнического (расового) чужого правления. После Второй мировой войны меньшинства поселенцев выступали против деколонизации. Только в Южной Африке расистский режим меньшинства пережил деколонизацию и сохранился до начала 1990-х годов [5, 322–324].

Первая и вторая волны деколонизации различались величиной насилия. Ранняя деколонизация в Америке была выиграна в военном сражении поселенцев и имперских сил. Войны за независимость велись в тридцати британских континентальных колониях, в испанской Центральной и Южной Америке и на Гаити. Только португальская Бразилия получила независимость без войны, главным

образом потому, что была богаче и заселеннее, чем Португалия. В XX в. войны за независимость велись в Индокитае, Алжире и Анголе. Но они были исключением из правила. В Африке в большинстве случаев имперские силы покидали колонии при первых сигналах народной оппозиции колониальной воле, плебисцита. Большинство колоний стали независимыми государствами без масштабного организованного насилия между имперским государством и местными националистами.

В объяснении причин деколонизации исследователи применяют эндогенные и экзогенные подходы. В первом случае анализируются внутренние причины деколонизации. Во втором случае исследуется влияние международных сил на распад европейских империй.

В эндогенной перспективе Р. Альбертини приводит физиократический аргумент: «колониализм естественно развивается, и колонии отпадают от метрополий, подобно вызревшим плодам дерева» [12, pp. 6]. Деколонизация рассматривается результатом структурных изменений отношений зависимости. При этом не учитываются активность местных националистических элит и тот факт, что местное население находится под влиянием контактов с западными экономическими и политическими структурами.

По мнению М. Вайнер, колониальные власти своей местной политикой непреднамеренно способствовали формированию социальной базы национализма. Это происходило за счет появления новых социальных групп — местной буржуазии, сельскохозяйственных рабочих, местных государственных служащих, учителей, — которые связывали свою карьеру с национализмом и независимостью. Через контакты с колониальными властями они знакомились с институтами западного национального государства, которое отказывало им в правах политического участия. Местные новые классы, безусловно, стремились к этим правам. «Те, кто пришел к власти в постколониальную эпоху, — пишет М. Вайнер, — принадлежали к экономически низшей группе в существующем разделении труда; власть стала доступной численно преобладающим слоям» [23, pp. 9].

Развитие образования в колониях привело к появлению класса, статус которого отличался от групп родства, землевладения и богатства. Новые элиты разрушали традиционный порядок, стремились к должностям, ранее занимаемым европейцами. Каждая этническая группа, отмечает Э. Хобсбаум, стремилась иметь образованный класс, что порождало соперничество элит за доступ к государственному аппарату [11, с. 249]. Э. Смит видит в националистической интеллигенции решающий внутренний фактор деколонизации. Интеллигенция в своем стремлении к престижу и власти в профессионально-административной сфере способна к руководству затяжной борьбой за изменение колониального статуса. Для части интеллигенции остаются привлекательными исторические мечтания интеллектуалов о предназначении отдельных наций, поскольку эти мечтания дают профессионально образованным людям надежду достойного применения своих талантов [8, 236–263].

Д. Бойман обращает внимание на последствия местной колониальной политики, пробуждавшей этническое самосознание. В колониальный период власти метрополии часто перераспределяли политические ресурсы, помогали субординированным группам приобретать влияние, что увеличивало потенциал межэтнической конкуренции. Вследствие стереотипов или в целях ослабления традиционных элит, колониальные власти часто покровительствовали малым этногруппам. Практика использования старейшин в роли уполномоченных колониальной власти укрепляла убеждение населения, что этногруппа — основа администрации. Колониализм превратил неранговые этногруппы в ранговые. Развитие транспорта и коммуникации усиливало самосознание культурной самобытности группы [16, pp. 27].

Р. Давид и К. Жоффре-Спинози отмечают системные просчеты метрополий в сфере правовых реформ в колониях: «Наибольшее изменение, внесенное в колониальный период в обычное право, имело своим результатом возросшее влияние новой (европейской) концепции социального строя — строгого и формалистского, отказавшегося от традиционного способа решения споров и по всему поэтому непонятного африканцев» [3, 389]. Колонизаторы ускоренно насаждали господство права в европейском понимании, что было преждевременно. Они перекраивали строй обществ, в которых местное население столетиями регулировало свои отношения другими методами. Оно не было готово воспринимать европейские традиции права, поскольку колонизаторы игнорировали цивилизационные особенности народов — дух общности, уважение к предкам, отсутствие антагонистических классов. Своими реформами метрополии ослабляли обычное право, семейные и клановые связи и не были способны предложить взамен новые ценности солидарности.

Хотя стимулы деколонизации находятся в самой колониальной зависимости, решающая роль в исходе деколонизации играет реакция метрополии. Британская колониальная империя была административно организована на основе принципа непрямого управления и местной автономии, что позволяло проводить относительно гибкую политику в ответ на вызовы деколонизации. Колониальная политика Франции была непоследовательной. В XIX в. Франция двигалась в направлении федеративной структуры, когда в 1834 году предоставило французское гражданство жителям четырех провинций Сенегала, и в 1848 г. — всему мужскому населению французского Сенегала. После 1945 г. Франция стремилась к ассимиляции своих колоний в унитарную республику, что привело к ее жестокому сопротивлению деколонизации.

В некоторых странах деколонизация происходила по причине нарушения баланса военных сил в пользу колоний. Этот фактор был решающим в деколонизации Америки. Англия не могла контролировать радикальные креольские движения по всему атлантическому побережью. После второй мировой войны слабость европейских колониальных государств была содействующим фактором деколонизации.

ции. В критических ситуациях правительства метрополий были не способны мобилизовать достаточные военные силы для контроля событий: Англия — в зоне Суэцкого канала, Франция — в Индокитае и Алжире, Нидерланды — в Индонезии.

Причины деколонизации могут быть рассмотрены в экзогенной перспективе. Несколько системных факторов международных отношений были связаны с деколонизацией. Один из них, по мнению Т. Босвелла, — наличие государства, экономически и политически доминирующего в мире. Босвелл имеет в виду сверхдержаву, стремящуюся создать глобальную рыночную экономику, делающую более доступными рынки, нежели формальный контроль территорий [15, pp. 180–196]. Этот аргумент соответствует понятию «империализма свободной торговли», предложенному Д. Галлахером и Р. Робинсоном: государства метрополий предпочитают свободную торговлю сверхзатратам империй [18, pp. 1–15]. Англия и США поддерживали распад соперничающих империй и избегали имперского колониального строительства в периоды своей глобальной гегемонии.

Второй системный фактор — заразительность деколонизации. Американская революция послужила моделью борьбы на Гаити и в Латинской Америке. После Второй мировой войны независимость Индии, Индокитая и Индонезии оказала влияние на колониальные народы во всем мире. Заразительность независимости ускорила деколонизацию в Африке, где $\frac{3}{4}$ колоний стали независимыми государствами в течение 1957–1966 годов.

Третий системный фактор — глобальные политические решения и дискурсы — играет решающую роль в деколонизации. После 1945 г. две сверхдержавы — СССР и США — идеологически были против колониализма, хотя каждая из них обвиняла другую в империализме. Даже крупные державы — Англия, Франция и Нидерланды — были не в состоянии примирить колониальные владения с политическими идеями и институтами национальной политики.

В 1960 году ООН осудила колониализм [4]. Согласно нынешнему международному праву, определение колониальной зависимости применительно к политической организации общества или административной единице играет решающее значение в мобилизации внутренней и международной поддержки деколонизации.

Остаются дискуссионными вопросы последствий деколонизации для более широкого понимания империализма как международного господства и эксплуатации. Сторонники теории зависимости (С. Амин, Р. Робинсон, Г. Штейнметц) рассматривают появление новых национальных государств изменением в форме, а не в содержании отношений центра — периферии. Предлагаются следующие аргументы. Контакты развитых и развивающихся стран усиливают различия между ними даже в отсутствие внешнего территориального господства. Зависимость от внешнего капитала замедляет экономический рост и создает экономические и политические структуры зависимого общества.

Несмотря на эту озабоченность, очевидно, что деколонизация приводит к глубокому изменению в структурах, регулирующих международные обмены. Суверенные государства обладают международно-признаваемыми правами контроля экономической активности внутри своих границ, включая право национализации иностранных предприятий и пересмотра условий соглашения с ТНК. Сегодня бывшие колониальные страны используют эти права и одновременно стремятся к интеграции в глобальную экономику. Влияние экономической зависимости уменьшается, если периферийное государство добивается успеха в этой интеграции.

Хотя понятия зависимости и территориального империализма сегодня остаются предметом острых дискуссий, очевидным последствием деколонизации является образование ЕС. Многие члены ООН получили независимость благодаря деколонизации. Она привела к появлению государств, которые стали членами мирового сообщества и участниками современных международных экономических и политических отношений.

Деколонизация демонстрирует неспособность колониального империализма институционализировать националистический конфликт периферии и центра. Идеология и организационные принципы колониального империализма антигуманны. Они нарушают индивидуальные и коллективные права людей. Поэтому в политической истории человечества колониальный империализм остается тупиковой линией эволюции современного государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.
2. *Белик А.А.* Культурология. Антропологические теории культур. М., 1998. С.51–52; Этноцентризм // Н. Аберкомби, С.Хилл., Б.Тернер. Социологический словарь. М., 1999.
3. *Давид Р. и Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 1998.
4. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 14.12.1960 г.
5. *Кальвокоресси П.* Мировая политика. В 2 томах. Т. 2. М., 2000.
6. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма. Полн. собр.соч. 5-е изд. Т. 27.
7. *Омельченко О.А.* Всеобщая история государства и права. В 2 томах. Т. 1. М., 1998.
8. *Смит Э.* Национализм и история // Нации и национализм. Б.Андерсон и др. М., 2002.
9. *Соловьев В.С.* Мессионизм // Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 томах. Т. 2. М., 1995.
10. *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004. С. 12–13; Imperialism, Colonialism and Decolonization // Encyclopedia of Sociology. V.2. N.Y., 2000.
11. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм. СПб., 1998.
12. *Albertini R.* Decolonization. N.Y., 1982.
13. *Baron P. and Sweezy.* Monopoly Capital. N.Y., 1966; *Frank A.* Capitalism and Underdevelopment in Latin Ameica. N.Y., 1967; *Wallerstein J.* The Modern Wolrd-Sistem. Cambridge, 1989.

14. *Benton L.* Colonial Law and Cultural Difference: Jurisdictional Politics and the Formation of the Colonial State // *Comparative Studies in Society and History*. 1999. Vol. 1.
15. *Boswell T.* Colonial Empires and Capitalist World-Economy // *American Sociological Review*. 1989. V. 54.
16. *Boyman D.* Keeping the Peace. L. 2002.
17. *Cohen B.* The Question of Imperialism. N.Y., 1973.
18. *Gallagher J. and Robinson R.* The Imperialism of Free Trade // *Economic History Review*. 1983. V.5(1).
19. *Hobson J.* Imperialism: A Study N.Y. (1902)1965.
20. *Osterhammel J.* Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton. 1997.
21. *Schumpeter J.* The Sociology of Imperialism. N.Y., 1951.
22. *Steinmetz G.* Return to Empire: The New U.S. Imperialism in Comparative Historical Theory. 2005. V. 23(4).
23. *Weiner M.* Sons of the Soil. Princeton, 1978.